

ШЁПОТ СЕРЕБРЯНЫХ ТЕНЕЙ

Там, где Замирает Эхо

КЕРРИ ЭРИН

18+

Керри Эрин

Там, где замирает эхо

<https://litres.ru/74470287>

SelfPub; 2026

Аннотация

Килиана не помнит последних трёх лет своей жизни. Александр Рид помнит каждый день.

Очнувшись в собственном дворце, принцесса Офелии обнаруживает, что слуги боятся её взгляда, а жених видит в ней свою мучительницу. На его теле — следы жестокости, которой она не может объяснить. В её зеркале — чужой чёрный глаз и тень, не желающая отпустить.

Пока Килиана была во власти древней сущности, её имя стало проклятием. Теперь она намерена спасти человека, у которого есть все причины желать ей смерти. Но при дворе её отца жизнь Александра уже разменяли в борьбе за власть, и единственный шанс уберечь его — союз, в котором доверие кажется опаснее ненависти.

Пробудившийся дар позволяет Килиане исцелять чужие раны, принимая их на себя. Только прошлое не исправить прикосновением. Между ней и Александром остаются три года боли.

Килиана готова дорого заплатить за его спасение. Но та, что ждёт по ту сторону зеркала, хочет не её смерти — её возвращения.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20

Керри Эрин

Там, где замирает эхо

Глава 1

Тень Офелии
1007г.

Офелию всегда называли затерянным краем. Покоившаяся среди скалистых хребтов, она спала под шум вековых лесов, а её озёра казались такими глубокими, будто у них не было дна. Посреди этой глухой зелени высился королевский замок — громада белого мрамора, которая в ясные дни слепила глаза. Когда-то город за его воротами гудел от рассвета до заката, телеги ломились от зерна, а в тавернах не умолкал смех.

Теперь Офелия притихла.

Всё изменилось в серый дождливый полдень. Над замком зазвонил погребальный колокол. Офелия лишилась королевы Марианны, которая так и не смогла подарить стране наследника. Мальчик родился на три недели раньше срока, едва успел сделать первый хриплый вздох и ушёл вслед за матерью. С тех пор в замке навсегда поселился запах ладана, воскового нагара и сырой земли, пропитавший даже гобелены в парадных залах.

Каждый вечер, когда солнце цеплялось за вершины западных скал, король Ирид выходил на балкон. Он мог стоять там часами, вцепившись обветренными пальцами в мраморные перила, пока промозглый ветер не выстуживал его до костей. Напротив него, за долиной, высилась Вечная гора — холодный гранитный пик, в недрах которого была высечена королевская усыпальница.

Горе сломало короля, а вместе с ним разрушило и жизнь его единственной дочери. Ирид больше не мог смотреть на Килиану. В её глазах, в упрямом развороте плеч и медно-рыжих волосах он видел Марианну. Живую, дышащую и потерянную. Каждый случайный взгляд на дочь оборачивался для него физической мукой. И король сбежал. Он заперся в своём кабинете, завалил столы бесконечными картами, долговыми свитками. Он пытался упорядочить жизнь королевства, выверяя каждую цифру, словно это могло заглушить боль утраты.

В семь лет Килиана потеряла мать, а после росла в тишине. Её детство прошло в гигантских, продуваемых сквозняками залах, среди равнодушной роскоши. Слуги бесшумно меняли свечи. Няньки шептались за её спиной, крестясь всякий раз, когда девочка проходила мимо. Для них она была «бедным ребёнком», потерявшим мать так рано. Роскошные шёлковые платья, которые ей приносили каждый сезон, казались Килиане тяжёлыми доспехами. Солнечный свет, пробивавшийся сквозь яркие цветные витражи, не грел — он

рисовал на непрогретом полу пёстрые узоры, по которым она ходила из угла в угол, выдумывая себе игры.

Её смех, редкий и тихий, увязал в тяжёлых портьерах. Она наблюдала за городской ребятнёй из окон высокой башни: те бегали по пыльным улицам, ловили обрывки праздничных лент и кричали от восторга. Килиана завидовала этой пыли на их коленях, этой грубой простоте, которой её лишили. Боязнь потери, поселившейся в замке, незаметно проникла и в неё.

Она научилась держать лицо — прятать любые эмоции за вежливой, замороженной полуулыбкой, которую от неё требовал придворный этикет. После утраты она больше никому не хотела открываться.

Её готовили к замужеству так, как готовят породистую лошадь к продаже. Королевские лекари проверяли её здоровье, учителя этикета вбивали в голову правила ведения светских бесед, а портные затягивали корсет так, что сводило рёбра. Килиану тошнило от одной мысли о браке.

«Отдать свою жизнь, своё тело и право решать, о чём думать, какому-то чуждому лорду, выбранному отцом ради союза? Ни за что.»

После каждого упоминания о помолвке у неё содрогались плечи, а брови сходились на переносице. Она сильно сжимала зубы, и начинала теревить ленты на юбках платья.

Ирид Роддс торопился. Вначале он хотел поскорее надеть на дочь венчальное платье, передать зятю бразды правления

Офелией и наконец уйти — спуститься в темноту семейного склепа к своей Марианне. Но упрямство дочери ломало его планы.

Они сталкивались в тронном зале, как два упрямых бойца. Ирид, привыкший к тому, что его слово — закон для тысяч людей, видел в отказах дочери детский каприз. Он кричал, требуя покорности, его лицо покрывалось багровыми пятнами. Килиана не кричала в ответ. Она замирала, гордо поднимала голову и смотрела отцу прямо в глаза до тех пор, пока он не сдавался.

После каждого такого разговора Ирид уходил, тяжело и глухо чеканя шаг по каменным плитам. Его шаги ещё долго затихали в переходах дворца. А Килиана оставалась стоять у окна и вглядывалась в горизонт.

До смерти матери жизнь Килианы была другой. Отец смеялся — громко, заразительно, его руки пахли кожей и ветром. Он брал маленькую дочь на прогулки по двору, учил различать породы лошадей и называл её по прозвищу, которое только он мог позволить себе в присутствии слуг. Мама рассказывала ей перед сном сказки о волшебных мирах. После уроков Килиана бежала к отцу.

Теперь уроки заканчивались — и начиналось долгое ожидание, пока он выйдет из кабинета. Дом стал пустым, а прикосновения — редкими.

Она не знала, как справляться с этим. Отец закрылся в ка-

бинете. Он раскладывал карты и пересчитывал отчеты, больше не оставался наедине с тишиной. Он перестал брать дочь в седло, перестал шутить. Их разговоры сводились к кратким приветствиям и прощаниям.

Килиана не умела назвать то, что осталось после смерти матери. Иногда она сидела по несколько часов в углу и пустым взглядом смотрела в одну точку. Иногда разбивала игрушки и выбрасывала украшения.

Она быстро выходила из себя; от малейшей несправедливости вспыхивала так, что слуги шарахались в стороны. Однажды надзиратель прижал молодую судомойку к стенке и приказал наказать её за якобы украденную серебряную ложку. Килиана влетела на кухню, не думая о титуле и приличиях; держа в ладонях тяжелый медный сотейник, и надзиратель едва успел пригнуться, чтобы не получить удар. Ложку нашли в щели стола. Килиана посмотрела на надзирателя и молча убрала сотейник. Она отдала надзирателю кошелек с монетами и клялась, что больше так не будет.

С каждым годом после смерти Марианны Ирид всё реже смотрел на дочь.

— Посмотри на меня! — В стену полетела фарфоровая ваза. — Я здесь! Я всё ещё твоя дочь!

Он смотрел — но через неё. После... просто отвёл взгляд.

— Валия! Уведи её.

Перо в его руках дрожало, но он продолжил выводить слова в тетради...

— Отец! Валяя, убери руки... — голос затих за тяжёлой дверью.

Поначалу Ирид ещё пытался быть тем королём, каким его знали. Он разбирал жалобы крестьян, помнил имена лакеев и мог подслушать разговор у трактира, чтобы понять, чего люди боятся.

Когда выяснилось предательство Феликса Рида. Король невольно погрузился в одно из самых тёплых воспоминаний.

Однажды Феликс принёс в подвал дворцовую ведомость.

— Даже сюда? — спросил Ирид.

— Тебе понравится.

Напротив строки «Вино для королевского стола» стояла сумма, которой хватило бы на новую крышу конюшни.

Ирид посмотрел на свой кубок.

— Это за год?

— За месяц.

— У него вкус мокрой пробки.

— Пробка, видимо, тоже за наш счёт.

Вино попало Ириду в нос. Пришлось высморкаться в рукав. Феликс терпеливо ждал, придерживая ведомость подальше от стола.

— Не смей завтра смотреть на меня за ужином.

— Я обычно смотрю на жаркое.

Под Феликсом скрипнул табурет. Одну ножку давно следовало заменить; вместо этого он каждый раз подкладывал под неё щепку.

— Прикажи уже починить, — сказал Ирид.

— Тогда кто-нибудь выяснит, зачем мне табурет в винном подвале. Потом тебе поставят кресло. Потом здесь появится слуга.

Ирид подвинул к нему блюдо с сыром.

Какое-то время Феликс выковыривал ножом воск из трещины в столе.

— Дома что? — спросил Ирид.

— Александр сегодня назвал меня старым.

— Сколько ему?

— Двенадцать.

— Значит, ты старый.

— Он попросил денег на лошадь.

— Дал?

Феликс перестал скрести стол.

— Дал.

Ирид отрезал себе сыра.

— В следующий раз зови меня. Я хоть посмотрю, как ты кому-то отказываешь.

— Для этого тебе хватит зеркала. Денег на охотничий дом я не дам.

— Я ещё не просил.

Феликс продал чертежи пограничных укреплений. Последствия были очевидны: утрата доверия, косящиеся горожане, шепоты в коридорах дворца. Ирид начал видеть угрозу там, где раньше видел обычную человеческую слабость.

На рассвете после ареста Феликса Ирид не выспался. Утром он вышел на площадь, чтобы присутствовать на казни. Его лицо было бледнее, чем обычно; руки несколько раз промахнулись мимо рукояти меча, а слова путались. Когда петля стянула шею предателя, Ирид позволил себе на секунду закрыть глаза и прислониться затылком к стене.

После этого в его указах все чаще появлялось слово «казнь». Маленькие проступки теперь карались с особой жестокостью: уволенный лакей, казни целых семей, жесткие указы. Всё это он оправдывал необходимостью — «чтобы не повторилось».

Килиана наблюдала за переменами в отце и не знала, что делать со своими терзаниями. Ей казалось, что с каждым новым указом в замке становится меньше воздуха и света. Иногда она пыталась заговорить с ним — тихо просить объяснений, громко требовать правды. Иногда прибегала к немислимым действиям, чтобы получить его внимание. Но чаще всего их встречи заканчивались тем, что отец уходил, тяжело ступая по каменным плитам, а она запиралась в темноте своей комнаты.

Брак, о котором говорил Ирид, был для неё страшнее смерти. Отдать кому-то свою жизнь, как товар, ради политического мира — это казалось предательством самой себя. Она не хотела быть короной или мишенью; она хотела быть человеком, которого можно коснуться без ощущения вины и долга. Ей хотелось, чтобы рядом был человек, которому не

нужно подчиняться и перед которым не придётся оправдываться.

Дни во дворце тянулись медленно. В его больших коридорах и залах звуки давно потеряли лёгкость — даже веселый звон посуды звучал как отголосок чужого праздника. Килиана училась выживать на обломках бывшего тепла. Она всё реже смеялась вслух, всё чаще разворачивалась и уходила, даже не закончив разговор.

Но кошмаром Ирида были не только призраки казнённых и ссоры с дочерью. Его в кошмарах и наяву преследовало воспоминание о сделке.

Это произошло двадцать шесть лет назад. Морриган обещала сделать Ирида королем.

А потом братья начали умирать. Один за другим. Ирид получил корону. Корона досталась ему замаранной в чужой крови. Он не убивал братьев, но понимал, кому был обязан их смертью. Он понятия не имел, что именно Морриган попросит в качестве оплаты, не знал, когда демоница потребует плату. Неизвестность давила и лишала сна. Со временем он начал вздрагивать от каждого шороха. Предательство друга добило короля.

Случайно проходя мимо зеркал, он вздрагивал и тут же отворачивался, мысленно повторяя: *«Ты продал свою душу, Ирид. И ты не знаешь, когда придет расплата»*

15 мая 1018 г.

В тот день тронный зал гудел. Голос Ирида гремел так, что звенели витражи. Килиана не уступала. Её строптивость, её яростный взгляд и категорический отказ от брака довели короля до исступления. Её лицо покрылось испариной, дыхание стало прерывистым. Принцесса, то вскакивала со своего места, то порывисто садилась обратно.

— Да я скорее сброшусь с башни! Я не позволю тебе продать меня!

Его лицо побагровело, а кулаки сжались до хруста суставов.

— Раз ты не желаешь выбирать сама, — рявкнул он, — то твоим мужем станет первый же мужик, переступивший этот порог! Мне плевать на его титул! Лишь бы он был не женат и подходил тебе по возрасту.

Массивные двери распахнулись. Стражники вволокли в зал избитого, сопротивляющегося юношу. Его рубаха висела лохмотьями, обнажая грязные ребра. По лицу стекала кровь, а левый глаз заплыл. По едва различимому гербу на разорванной рубахе Ирид узнал Александра, сына Феликса Рида.

Звуки борьбы стихли, крики стражников тоже. По залу потянуло холодом. Ирид медленно осмотрел зал. Из глубоких теней, что таились за колоннами, медленно, будто бы сотканная из тумана, выплыла фигура. Её появление сопровождалось прохладой и туманом.

Это была Морриган.

Её черные глаза смотрели на Ирида всё с тем же пугаю-

щим восторгом, что и двадцать шесть лет назад. Тогда он впервые встретил её, будучи юношей.

— Здравствуй, дорогой король, — с усмешкой проговорила Морриган в его сознании. — Я пришла за оплатой.

— Что тебе нужно? — Голос его стал непривычно тих, глаза забегали по сторонам.

Демоница указала длинным бледным пальцем в сторону Килианы:

— Её тело. — Уголок губ поднялся вверх. — Я займу его всего на три года. Не бойся... когда я уйду, она продолжит жить и ничего не вспомнит. Это малая цена за трон, Ирид.

— Ей... будет больно? — Он ослабил ворот рубашки.

— Возможно, совсем чуть-чуть, — ехидно прошептала гостья. Её слова, казалось, вытягивали из легких Ирида остатки воздуха.

Тень прошлых грехов окончательно накрыла Ирида. Скрепленная кровью клятва не позволяла ему отказать. На языке появился знакомый металлический привкус. Одно слово. Он кивнул.

— Согласен. — Внутри что-то надломилось. — У меня нет выбора. Делай, что должна.

Морриган хищно улыбнулась и влетела в грудь принцессы черным дымом. Растворилась в её теле. Время возобновило свой ход.

Килиана вздрогнула и расправила плечи. Лицо разгладилось и приобрело выражение презрения. Ирид увидел, как

зелень её глаз затягивает чёрная пелена. Она рассматривала его — и Ирид впервые за долгое время увидел на лице дочери не гнев, а внимание.

Перед ним была уже не его дочь.

Король напрягся всем телом, но заставил себя не отвести взгляд.

— Ваше Величество, — один из стражников, как и остальные не заметивший метаморфозы, преклонил колено. — Мы нашли сына Рида. Прикажете казнить его?

Ирид мимолётно взглянул на существо, ставшее его дочерью.

«Отдам мальчишку в руки демоницы. Пусть страдает.»

Он сглотнул, потёр горящую грудь.

Ирид помнил, как в детстве Килиана смеялась, рассказывала истории о своих приключениях, верила в его справедливость. А сейчас... Решение сулило двойную выгоду: казнь свершится, а демоница получит игрушку, которая отвлечет ее от короля.

«Я предал её. Сначала заключил сделку с Морриган, не зная, какой будет оплата. Потом отдался от дочери после смерти Марианны. А теперь сам впускаю чудовище в её тело»

Ирид понимал: он потерял право называться отцом, став соучастником Морриган. Но многолетнее опасение подсказывало: это единственный способ задобрить ту, что теперь смотрела на мир глазами его ребенка. Он был готов пожерт-

воват даже честью своей дочери, только бы не дать трусости поглотить его самого без остатка.

— Нет, — произнес Ирид слишком быстро. — Оставьте его. Килиана, дочь моя... — он запнулся, и посмотрел в её внимательные глаза. — Он будет твоим женихом. С этого дня... его жизнь принадлежит тебе.

Александр с силой принялся вырываться из рук стражников. На избитом лице проступило неверие, налитые кровью глаза широко раскрылись.

— Женихом?! — выкрикнул он и сплюнул под ноги королю густую, темную кровь. — Вы сошли с ума, Ваше Величество! Я не имею отношения к делам отца! Я не предатель, слышите?! Убейте меня, но не смейте... — От удара в солнечное сплетение он зашелся в рваном кашле.

Молодой человек перевел взгляд на принцессу, и в его глазах промелькнула мольба.

— Ваше Высочество... — Александр с трудом втянул воздух. Несмотря на руки стражников, стискивающих его плечи, он попытался шагнуть к принцессе. — Вы же знаете... это несправедливо! Я не отвечаю за отца. Скажите ему... Скажите, что я невиновен.

Он смотрел на неё в ожидании, надеялся увидеть желание воспротивиться отцу. Ответом было безразличие. Морриган, занявшая тело девушки, даже не моргнула. Она едва заметно склонила голову набок, изучая Александра.

— Как пожелаешь, отец, — произнесла она голосом Ки-

лианы и улыбнулась Александру.

Лорд Винсен молча наблюдал за этой сценой, затем задержал взгляд на Килиане, перевел его на Александра. Прищурился.

— Ваше Величество, — сказал он тихо, — Дом Ридов обвинён в измене. Если принцесса выйдет за сына Феликса, враги могут объявить это признанием его правоты.

Голоса прокатились по залу. В глазах придворных виднелась алчность. Одни шептали о брачных контрактах. Другие — о территориях, которые можно будет обменять.

— Он всего лишь заложник, — прошептал кто-то справа. — Используют и выбросят.

Ирид медленно поднял голову. Придворные заметили это и замолчали. Он заговорил негромко и слишком спокойно:

— Пока я король Офелии, решения принимает корона. Ни вы, ни кто иной не будет распоряжаться моей дочерью. Ложь далась ему легко.

Но даже после этих слов по коридорам распространялся шёпот: «*Разорвать помолвку*». Никто не считал нужным спрашивать, хотят ли быть связанными молодые — их судьбы принадлежали короне.

Несколько дней спустя в тронном зале собрался Совет. За длинным столом, покрытым алой скатертью, расселись советники. Кто-то вертел перстень на пальце, кто-то отряхивал несуществующие пылинки с рукава. Кто-то постукивал кон-

чиком пальца по столу.

Граф Рамберг поднялся первым. Его прищуренные глаза на худом лице прошлись по собравшимся, и, в конце концов остановились на короле.

— Ваше Величество, слухи множатся. Брак принцессы с сыном казнённого Феликса Рида ставит под сомнение чистоту линии престолонаследия. Совет предлагает аннулировать помолвку.

Маркета Лун, молодая баронесса, чьи владения граничили с лесами на западе, покачала головой:

— Король дал слово перед всем двором, — возразила она. — Если отступит, завтра каждый вассал решит, что указ короны можно отменить шёпотом в коридоре.

— А если не отступит, — перебил Норден, — дом Ридов получит родство с престолом.

Александр слушал, уперевшись спиной в стену. Он сидел на полу всё в той же разорванной грязной рубаше. Опухшие от бессонной ночи глаза впивались в луну за витражом.

Ирид зажмурился и потёр виски. Он поднял руку, и советники замолчали. Несмотря на внешнюю измождённость, его голос оставался твёрдым и живым:

— Корона не отменяет решений из-за слухов. Тот, кто вынесет подобную идею публично, будет казнён вместе с семьёй.

С дальнего конца стола донёсся хриплый голос:

— А что, если использовать помолвку?

Маркета и Норден обменялись быстрыми кивками. Рамберг придвинул к себе пергамент и прикрыл написанное ладонью. Каждый начал прикидывать, какую выгоду принесёт этот брак.

Мир обсуждал события по-своему. Воздух был густ от запаха специй и гниющих фруктов.

— Ты слышала? — шептала одна торговка, вытирая руки о передник. — Говорят, помолвка была вынужденной. Принцесса не выбирала. Александр — не её избранник, а заложник.

— И что? — отвечала другая, насмешливо подмигивая, — Я слышала, наш король вообще проиграл дочь в споре этому Риду.

Юный шинкарь услышал разговор, затем положил кувшин и покачал головой:

— Хватит нести чушь. Вам заняться больше нечем?

К полудню на другом конце рынка уже рассказывали, будто Александр Рид выиграл принцессу у короля в кости. К вечеру говорили, что свадьба состоится через три дня.

Глава 2

Пробуждение

15 мая 1021г.

Килиана распахнула глаза и тут же зажмурилась от солнечного луча, что резал глаза. Девушка поморщилась и накрылась одеялом, но сонливость уже ушла. Голова раскалывалась, болезненный пульс бился в висках.

Память подбросила яркий всполох вчерашнего дня: очередной спор из-за требований отца выйти замуж. На этот раз он даже не пытался скрывать злости — стоял с налитыми кровью глазами, а голос его срывался на хрип, брызжа союзной в разные стороны.

При воспоминании об этом, во рту образовалась горечь.

Но дальше... дальше память обрывалась, оставила после себя звон в ушах и черноту.

«Кажется, кто-то вошел в зал... Но кто?»

Килиана зажмурилась, попыталась ухватиться хоть за какой-то обрывок. Она помнила звук удара створки двери о стену.

Девушка провела языком по сухим губам, язык царапнуло о шершавую поверхность.

Вместо картинок перед глазами вспыхивали цветные пятна. Не обычная забывчивость, когда не можешь вспомнить слово. Здесь не было ничего. Ни лиц, ни звуков.

Килиана сжала пальцы на одеяле, оно цеплялось за кожу. В пальцах неприятно заныло.

Конечно, она понимала, что для укрепления королевства необходим династический союз. Понимала она и то, почему отец торопился: Офелии требовались союзники, а короне — наследник. Только понимание не означало согласие. Она жаждала изучать древние архивы, постигать тайны мира. Ей хотелось самой выбирать, куда идти и с кем говорить, а не становиться частью договора, который заключат без неё.

«Отец не отступится,» — тяжелый вздох наполнил грудь. Она откинула летнее одеяло и села.

Ночной кошмар никак не отпускал, прилип к телу плёнкой холодного пота, заставляя кожу зудеть, а плечи передергиваться. Во сне звучали человеческие крики, пахло кровью и сырой подвальной плесенью. Лица людей оставались размытым пятном, продолжая молить о пощаде. Килиана замерла, продолжая цепляться пальцами за край одеяла, будто оно могло удержать её в реальности. Постель стала холодной и слегка влажной, впитывала окружающие звуки. Даже птицы за окном не пели и ветер не танцевал в листьях.

Взгляд обогнул комнату. Привычные зелёные гобелены с изображением лесов сменились на тёмно-синие, более плотные. Она взглянула на кровать, на письменный стол. Вещи оставались знакомыми, но стояли иначе. Или ей так только казалось? На прикроватном столике стояла незнакомая пустая ваза. Килиана протянула руку к вазе и осторожно про-

вела по прохладной поверхности ногтем. Стекло скрипнуло. Звук потревожил тишину, переплетаясь с громким дыханием девушки. Она отдернула руку так быстро, будто стекло обжигало.

Она моргнула. Комната оставалась чужой.

Килиана медленно спустила ноги на пол — и холод паркета ударил по ступням.

«Если комната изменилась, значит, могло измениться что-то ещё.»

Килиана потёрла шею и со стоном закрыла глаза. Первым порывом было броситься к двери, выкрикнуть имя служанки. Потребность услышать знакомый голос Валии была сильна. Но ещё сильнее хотелось зажмуриться и прошептать: *«Пусть всё станет как было».*

Только даже если гобелены снова позеленеют, а ваза исчезнет, обида от вчерашних слов и осадок кошмарного сна никуда не денутся. Они останутся — тяжёлые, упрямые, вьёвшиеся в память.

Больше не решаясь прикоснуться к чему-либо, Килиана медленно прошла по комнате. Пальцы сжимались и разжимались, изо рта вырывались бледные облачка пара.

Застоявшийся запах пыли и поблекшие цвета впивались в кожу, разъедали некогда привычные вещи. Ажурная паутина затянула дальний угол, оберегая своего хозяина. Тонкая трещина на оконном стекле грозила расползтись молнией и разбить стекло вдребезги. Ей казалось, что вместо паркета

она ступает по зыбкому песку, который затягивает её внутрь.

Килиана потерла покрытые мурашками плечи и медленно приблизилась к ростовому зеркалу. Руки повисли вдоль тела, потеряв всякую силу. Она дёрнулась, ища за что можно схватиться, но схватила воздух.

В памяти яркой тёплой вспышкой пронёсся день её восемнадцатилетия.

Тёплый летний полдень висел над садом. Пахло розами — так сильно, что этот запах прилипал к коже, въедался в неё. Она стояла неподвижно, ловила носом этот воздух.

Она чувствовала себя чуть колючей, неидеальной. И эта самая неидеальность добавляла жизни одинаковым дням во дворце.

Платье цвета молодой листвы — лёгкое, почти невесомое. Оно тогда так смешно шелестело при каждом шаге, будто само подталкивало: «Ну давай, беги!» Огненные локоньки лезли в глаза, путались в ресницах, щекотали шею — а она отмахивалась, смеялась, не видя в этом никакой беды. А глаза... В них тогда была такая зелень — чистая, яркая, в них отражался весь сад разом.

Воспоминание прервалось, осталось чувство, будто она долго стояла на ветру, а теперь зашла в тепло дома. В носу всё так же отчётливо ощущался аромат садовых роз.

Из тяжёлой рамы на неё смотрело чудовище. Мертвенно-бледная кожа; заострившиеся, хищные черты лица, лишенные девичьей мягкости. Но страшнее всего были глаза.

Прежняя зелень исчезла. Правый глаз хранил синеву океана, а левый... левый стал черным.

В пальцах появилась колючая слабость. Она замерла и сжала кулаки, чтобы не дать рукам вздрагивать, но это не помогло. Рама стала слишком резкой, будто очерченной углём, на периферии зрения всё размылось, словно кто-то подышал на стекло. Отражение — слишком реальное, чтобы быть видением, наваждением.

— Нет, — прошептала Килиана.

Руки вцепились в ворот сорочки, потянули, пытаясь сорвать её, надеясь, что вместе с тканью она могла бы содрать с себя чужое лицо.

— Это не я. Не я... — Девушка опустила руки и впилась ногтем большого пальца в подушечку указательного.

Слова сирым эхом отдались в голове и Килиана вцепилась глазами в зеркальную поверхность. Чёрный глаз смотрел на неё будто с насмешкой. Холодок пробежал по спине. Она попыталась отвернуться, но не смогла даже пошевелиться, ноги, казалось, вросли в паркет.

Вопросы кишели в голове Килианы, не находя ответа. Она загнанной в угол своим отражением. И поняла: самое страшное не в том, что лицо стало чужим. Самое страшное в том, что где-то глубоко внутри ей показалось, что это лицо — настоящее, а всё, что было до этого, было маской.

Руки одеревенели, когда она коснулась лица. Тяжёлые, непослушные пальцы скользили по бледной коже. Она попы-

талась пошевелить рукой, чтобы убедиться, что это всё ещё она, но движение вышло неловким. Кончиками пальцев она ощутила под тёплой кожей едва уловимое напряжение.

Килиана отшатнулась, зацепилась ногой за край ковра. В ноге вспыхнула острая резь.

— Успокойся, глупая, — прозвучал голос внутри головы, раздражая каждый нерв.

Килиана вздрогнула, прижимая ладони к ушам. Кончики пальцев закололо. Глаза не нашли источник голоса, скользя по всему пространству пыльной комнаты.

— Кто здесь? — она повернулась, продолжая вглядываться в пустые углы комнаты. — Выходи!

Она слышала только своё частое поверхностное дыхание. Девушка снова уставилась в зеркало. Из-за холодного пота сорочка прилипла к телу, а язык превратился в камень.

— Ты просто не помнишь, — голос казался ей неприятно знакомым, в его отзвуках злость сливалась с лаской.

— Кто ты?

— Но скоро я помогу тебе вспомнить.

Килиана нащупала стол и ухватила за его край. Ноги потеряли опору. Мебель в комнате расплывалась, превращаясь в цветные пятна. Стены давили, сжимались, выдавливали остатки воздуха из комнаты.

— Ты все вспомнишь.

«Такого не может быть! Это невозможно!»

Тело застыло, неспособное ответить на зов рассудка.

Единственным доказательством того, что она не спит, оставались жгучие слёзы, бегущие по щекам. Голова гудела, мысли металась.

«Вспоминай! Вспоминай!»

Сквозь пелену слез она заметила движение в отражении. Не ее собственное. Что-то тёмное шевельнулось в глубине синего глаза. Черный, глаз оставался неподвижным, но от него исходила аура силы. Глаза впились в отражение. Дыхание успокаивалось и слёзы перестали литься.

В дверь кто-то постучал.

Килиана резко выпрямилась и обернулась.

Стук повторился — негромкий, осторожный. Затем дверь распахнулась, впуская в комнату свежий холодный воздух.

На пороге стоял молодой человек.

— Ваше Высочество? — в глуховатом голосе с лёгкой хрипотцой слышалась ненависть, которую, кажется, он уже давно перестал прятать. И самое страшное было в том, что за этой ненавистью сквозила какая-то обида.

Он никогда не был в услужении во дворце, тем более в услужении *ей*.

Юноша был высоким и болезненно худым. На лице виднелись следы побоев, под правым глазом темнел синяк. Светло-зеленые глаза смотрели на неё без малейшего доверия.

Килиана дёрнулась назад, но врезалась бедром в стол.

— К-кто вы?

Молодой человек замер. Щеки у него чуть покраснели,

брови приподнялись. Он принялся разглядывать Килиану — будто искал что-то. Взгляд скользнул по её плечам, метнулся к лицу. Убедившись, что она на самом деле растеряна, он прокашлялся — звук вышел сухим, неловким, как если бы горло пересохло от спешки. Потом поднял глаза. Его выражение изменилось: возникшее беспокойство схлынуло, и осталась безучастная отстранённость.

Он сжал губы, будто попробовал на вкус то, что собирался сказать, и бросил безразличным тоном:

— Это очередная игра, Ваше Высочество?

— Какая игра?

— Я Ваш суженый. Александр. Мы были помолвлены три года назад...

— Вы... шутите?

Она медленно растёрла своё плечо. Глаза Александра упёрлись ей за спину, а после опустились на её босые ноги. Он облизал пересохшие губы, поправил грязную рубашку. Юноша злобно усмехнулся, слегка потирая запястье.

— Три года назад... меня привели в этот дворец. Король решил, что я должен ответить за грехи отца. Он связал нас помолвкой.

Килиана не отрывала от юноши взгляда.

— Я ничего не помню.

— Удобно, — сказал он. — Очень удобно.

— Расскажи мне... что... что произошло.

Он отвернулся к двери.

— Я бы предпочёл сгнить в шахтах. Или оказаться на плахе. Всё лучше, чем оставаться здесь.

— Почему?

Александр медленно повернул на неё голову и тут же снов отвернулся.

— За эти годы вы превратили мою жизнь в ад.

Килиана вздрогнула.

— Я?

Юноша быстро развернулся и сделал шаг вперёд. Килиана всё сильнее вжимала пальцы в край стола.

— Каждое гребаное утро вы начинали с того, что тащились ко мне. Обливали ледяной водой в камере. Выгоняли нагим на мороз. Устраивали судилища за малейшую провинность, о которой никто не знал. Вы сделали всё, чтобы растоптать меня перед каждым в этом дворце.

Он говорил всё быстрее. Он видел, как её глаза расширяются сильнее, как она выпрямляет спину.

— Мой отец согрешил, — продолжил Александр. — Но какого... почему я должен за это расплачиваться? С каких пор дети отвечают за проступки родителей?

— Но я... Я бы никогда не поступила так, — выдавила она наконец.

— Вы поступили.

Его голос звучал тихо.

— Мой отец предал корону, и его казнили. Справедливо. Но вы с отцом решили, что мне нужно оставить жизнь. Мне

кажется, что вы специально не давали мне сдохнуть.

— Александр...

— Не называйте меня по имени так, будто имеете на это право.

Он развернулся и направился к двери.

— Постой.

Александр остановился, но не обернулся.

— Пожалуйста.

— Расскажи мне всё. Я должна понять.

— Вам не нужно ничего понимать, Ваше Высочество. Вы всегда прекрасно знали, что делаете.

Он вышел.

Несколько секунд она стояла неподвижно, а потом медленно опустилась на пол. Она смотрела на свои пальцы и пыталась представить, как они держат плетъ, чашу с ледяной водой или ключ от камеры. Образы не приходили. Только пустота.

Килиана поднялась и снова подошла к зеркалу. Она долго всматривалась в свои глаза.

«Отвратительно».

Она проверила руки, ноги, лицо, плечи. Тело действительно изменилось: стало выше, худее.

Когда солнце за окном поднялось выше, в дверь постучали.

Килиана вздрогнула. Прислушалась.

Стук повторился.

— Ваше Высочество? — раздался женский голос.

Килиана подлетела к двери и открыла. На пороге стояла полная румяная женщина в белом чепце. Она держала поднос и так крепко сжимала его края, что пальцы покраснели.

— Ваш завтрак, Ваше Высочество, — сказала она. — Простите, если разбудила. Я готова понести любое наказание.

— Вы меня не разбудили.

Женщина подняла глаза, но тут же снова опустила их.

— Как вас зовут?

— Мэри.

— Мэри, подойдите. Я хочу кое о чём спросить.

Служанка замерла, вжалась в косяк.

— Конечно, Ваше Высочество.

— Я не собираюсь вас наказывать.

Мэри сжала пальцы на подносе ещё сильнее.

— Да, Ваше Высочество.

— Вы служите мне давно?

— Почти два года.

— Где Валя? Говорите.

— Ваша прежняя служанка... ушла.

— Почему?

Женщина сглотнула вязкую слюну.

— Вы изгнали её.

— За что?

Мэри обернулась на дверь и медленно перевела взгляд на Килиану.

— За неуважение.

Лицо Килианы покраснело, подбородок вздёрнулся.

— Расскажите мне о последних годах.

Чашки на подносе задрезжали. Мэри со свистом втянула носом воздух.

— Вы ничего не помните?

— Ничего.

Служанка поставила поднос на стол. Чашка громко звякнула о блюдец.

— Вы наказывали тех, кто вас расстраивал. Слуг, солдат, лордов, простых горожан. Неважно. Если вы решали, что человек виноват, ему оставалось подчиниться.

— За что наказывала?

— Иногда за грубость. Иногда за непослушание. Иногда...

— Мэри пригладила фартук. — Иногда никто не понимал, за что.

Килиана смотрела в стену, не моргая.

— Что обо мне говорили во дворце?

Мэри начала теребить завязки передника.

— Что... что в вас вселился... демон.

В комнате стало тихо.

— А раньше?

— Что вы были доброй. Справедливой. Вы помогали слугам. Защищали тех, кого наказывали несправедливо.

Плечи Килианы опустились, она закрыла глаза.

— Когда всё изменилось?

Когда девушка открыла глаза, губы служанки побледнели, напоминая потолочную побелку.

— Ну?

— Три года назад.

«Три года... Получается, мне уже двадцать один год?»

— В день помолвки с Александром?

Служанка быстро закивала.

— В тот день вы стали другой. После его прибытия начались игры. Вы заставляли людей доказывать верность, публично каяться, отказываться от земель и титулов. Лорды унижались перед вами, потому что боялись последствий.

— А мой отец?

Мэри потупила взгляд.

— Говорите.

— Его Величество... позволял вам.

Килиана отвернулась.

— Достаточно.

Голос прозвучал ровно, но Мэри вздрогнула. Служанка поклонилась и поспешно вышла. Дверь закрылась почти беззвучно.

Килиана помассировала виски, но боль не уходила. Она подошла к двери и взялась за ручку.

Каждый шаг отражался от стен пустых коридоров гулким эхом.

«Под полом будто пусто».

Запах сырости и гари раздражал нос. Килиана шла, время от времени потирая его. Коридоры, которые она когда-то проходила, ощущая спокойствие, теперь давили на плечи. Свет больше не золотил паркет, а падал серыми полосами, подсвечивая паутину и пыль. Слуги попадались всё реже. Те немногие, кому не посчастливилось оказаться на ее пути, тут же опускали глаза в пол. Килиана увидела, как не слушаются пальцы служанки, держащей поднос. Как бледнеет молодой солдат, прижимаясь спиной к влажному камню стены. Они не оказывали почтение принцессе — они прятались. В их глазах, брошенных на её удаляющуюся фигуру, не читалось уважение.

Чем ближе она подходила к кабинету короля, тем темнее становилось.

В конце коридора показались массивные двери из дуба, украшенные резьбой в виде сплетающихся веток деревьев. Гвардейцы, стоящие на посту, склонились. Они не преградили ей путь. Их лица побледнели, стоило ей приблизиться. Беспокойные взгляды жгли затылок.

Килиана шагнула через порог — и будто налетела на стену. Она застыла, не в силах отвести взгляд.

«Ему всего сорок девять, а волосы уже поседели. А лицо... Что с ним? Почему оно такое морищинистое?»

В детстве Килиана гордилась внутренним стержнем отца. Сейчас же каждое движение он делал через силу. Казалось, ещё немного — и он просто уронит голову в ладони и скажет:

«Я больше не могу».

Килиана сжала дверную ручку, дерево чуть заскрипело под пальцами — ей нужно было за что-то держаться, чтобы не сорваться с места, не подбежать к нему, не закричать:

«Что случилось?»

Но слова застряли, не находя выхода, а тишина между ними становилась все более неловкой.

— Отец?.. — Килиана постаралась выговорить это ровно, но голос сорвался, потонув в тишине кабинета.

Ирид Роддс ответил не сразу. Он сидел неподвижно. Взгляд впивался в одну точку на стене перед. Руки сжимали тяжёлое перо. Но когда он поднял глаза, его взор прояснился. Король жадно всматривался в лицо дочери, ловя каждую деталь. Привычный за эти годы застой уступил место живой, растерянности. Чернота отступила. Лишь в левом глазу еще кружилась черная муть, тогда как правый стал глубокой синевой.

«Демоница ушла. Килиана здесь.»

Ирид резко поднялся, обогнул стол и порывисто прижал дочь к себе. Его руки сжали её плечи — крепко, до посинения.

— Килиана? Девочка моя... — его голос сорвался на хриплый, надломленный стон.

Руки продолжили цепляться за ручку.

«Со дня похорон матери отец ни разу не обнимал меня так...»

Внезапный порыв нежности отозвался внутри странной тревожной сладостью — давно забытым чувством защищенности, за которым тут же последовала робость.

— Да... это я.

— Боги, ты вернулась... — Ирид чуть отстранился, но из объятий её не выпустил. Его плечи опустились. Тяжесть, давившая на него годами, наконец ослабла. — Прости меня, дочь... Если бы ты знала, как мне жаль. За каждый день, за всё, что произошло. Я хотел сказать тебе раньше, но не смел. Теперь... когда ты снова со мной, я не буду молчать.

— Отец, о чем ты? Что случилось? — её голос прозвучал приглушённо, точно доносился из глубокого колодца.

Килиана коснулась его пальцев, пытаясь удержать этот разговор, очертить хоть какие-то границы правды. Но в то же мгновение мир качнулся. Свет погас, и её накрыла вязкая темнота, пропитанная запахом слежавшейся пыли и чужих, давно похороненных воспоминаний.

Килиана увидела себя в полумраке незнакомой комнаты. Перед ростовым зеркалом в серебряной раме стоял юноша. В его чертах с трудом угадывался Ирид — таким она знала отца по старинным портретам в галерее предков.

Чужие чувства хлынули в её сознание горячей, удушливой волной. Вытеснила всё, что она сама успела почувствовать. Она не могла пошевелиться, не могла выдохнуть, оставаясь бессильной заложницей в чужом прошлом.

Амбиции Ирида всегда были его скрытой язвой. Пятый сын, лишенный прав на престол, объект насмешек старших братьев. Он рос в тени, сжигаемый обидой.

За окном ноябрь 989 год. В ночь своего семнадцатилетия Ирид напился дешевого вина и стоял перед зеркалом, вытирая с покрасневших щек слезы вперемишку со злостью.

«Пусть они все исчезнут!»

Внезапно зеркальное стекло пошло рябью, как затянувшийся ряской пруд. Отражение юноши растворилось, и из глубины проступил женский силуэт. Волосы цвета воронова крыла и глаза, в которых клубился живой, темный туман. Черты лица казались настолько нечеловечески точными, что у Ирида перехватило дыхание.

— Здравствуй, король, — прошепестел голос. Он прозвучал не из воздуха, а раздался прямо в его голове, отзывался вибрацией в костях.

Ирид вздрогнул, беспокойство обожгло его изнутри, но он не отступил. Интерес оказался сильнее.

— Я не король, — отчеканил он с застарелой горечью.

— Но ты станешь им... — Тень в зеркале чуть склонила голову, и туман в её взгляде закружился быстрее. — Нужно всего-то принять мои условия.

— Кто ты? — Ирид сделал шаг вперед, глядя на гостью. — И, о чем ты говоришь?

— Мое имя — Морриган. Я ищу временное пристанище в этом мире. Я очищу твой путь к престолу, Ирид Роддс.

Уберу любую преграду. Взамен же возьму то, чего у тебя пока нет.

Ирид прищурился:

— Какая тебе выгода от моей короны? В чём подвох?

— Мне нужен человек, который впустит меня в этот мир. А тебе — тот, кто уберет с дороги всех, кто стоит между тобой и короной, — голос Морриган резко остыл. — Большие не задавай мне вопросов, смертный! Решайся. Мое время истекает.

— Что я буду должен? — выдохнул юноша в звенящую тишину.

— Когда придет час, я объявлю цену. Ты всё узнаешь.

Без трона Ирид видел только медленное угасание и гниение.

— Я согласен.

— Прекрасно... — в голосе Морриган прозвучало торжество. — Окропи кровью ладонь. Приложи её к моей.

Ирид выхватил кинжал. Блестящее лезвие полоснуло по коже. Алая кровь заполнила ладонь. Он поднял руку и прижал её к гладкому стеклу — прямо к призрачной ладони Морриган.

Комнату ослепила вспышка, похожая на молнию. Стекло под пальцами стало мягким, как живая плоть. Тело Ирида обожгло, и Морриган исчезла. После неё остался запах озона и гари.

Зеркало снова отражало его бледное лицо и порез на ру-

ке. Но в груди, рядом с торжеством, поселился неотвязный трепет.

Память отпустила Килиану, и кабинет снова возник перед ней.

Килиана быстро отдернула руку от пальцев отца. Сердцебиение ощущалось где-то в затылке.

«Его память... Он продал всё еще тогда».

Он медленно опустил руку. Рука безвольно повисла.

Тепло, промелькнувшее в нём минуту назад, исчезло, уступило место привычному безразличию. Король указал на бархатный диван и сел напротив.

— Присядь, Килиана, — голос его был сухим и безжизненным.

Она опустилась на самый край, разгладила ткань голубого платья.

— Всё закончилось, — произнес он, глядя куда-то поверх её головы. — Теперь ты должна знать.

— Что именно? — ее голос дрогнул.

— Слушай. И не перебивай. Двадцать девять лет назад я совершил глупость. Я был ослеплен жадой власти и заключил сделку... с демоницей.

Последнее слово Ирид выплюнул, сморщил нос:

— За трон она потребовала... тебя. Твоё тело. Я не знал, какой именно будет плата, а когда понял — было поздно. Срок пришел три года назад. Эта тварь вошла в тебя, заме-

нила твоё имя и лицо. Она даже не скрывалась от меня — ей нравилось моё бессилие.

В ушах завис звон и вытеснил звуки.

«Он променял моё тело на корону?!»

— Мои глаза! — выкрикнула она и коснулась щеки. —

Почему они стали такими?!

— Отпечаток сделки, — ответил Ирид. — След чужого присутствия.

— Но почему след остался на мне?! — её голос сорвался.

— Ведь сделку заключал ты! Это твоя жадность! Твоё безумие! Почему плачу я?!

Ирид впервые за долгие годы отвёл взгляд, теребя рукав рубашки.

— Сосуд не мог остаться прежним...

— Где эти три года? Почему я ничего не помню?

— Она вытеснила твоё сознание. Тебя просто не было,

Килиана.

— И что... — Килиана сглотнула подступивший ком. —

Что она делала в моём теле?

Ирид посмотрел на неё прямо:

— Наслаждалась чужими мучениями. Стравливала слуг, ломала лордов.

— И ты молчал? Ты просто смотрел на это?!

— Когда я попытался вмешаться, она пообещала уничтожить твою душу и сжечь Офелию. Она поклялась не проливать кровь, пока я... не мешаю... В основном её гнев падал

на мальчишку. Остальных она трогала мимоходом.

Килиана вдохнула, но выдох так и не вырвался наружу.

«Значит, Мэри и Александр не лгали».

— А Александр? — выдохнула она. — Кто он?

— Александр — сын Феликса Рида, изменника, который продал врагам наши форты. Думаю, ты помнишь Феликса. Его я отправил на плаху, а парня... парня оставил при дворе. Чтобы он страдал.

— Но мы помолвлены... Это была её воля?

— Нет, — Ирид усмехнулся. Смех походил на треск веток.
— Это было мое решение. Я обручил его с тобой, потому что знал, кто живет в твоём теле. Я отдал его демонице. Я знал, во что она превратит его жизнь. Это было справедливо.

Желание вымыть руки с мылом одолевало остальные чувства, она ногтем прочертила обивку дивана.

— Ты отдал живого человека чудовищу? Только чтобы отомстить?!

Ирид скривил губы, лоб наморщился, но он сдержался.

— Теперь это неважно.

«Неважно?» — закричал внутренний голос. «Ты отдал меня, ты отдал его, ты превратил все вокруг в пепелище и говоришь "неважно"?»

Король между тем продолжил, не замечая бедствия в её глазах:

— Через два месяца у тебя будет возможность всё закончить. На праздничном балу ты сможешь публично расторг-

нуть помолвку. Выберешь другого или останешься одна. Я больше не стану принуждать тебя к браку. Если захочешь оставить Александра при себе — мешать не буду. Но если откажешься от него — его просто изгонят из Офелии. Он получит свободу, а ты — покой.

— Правда? — Килиана заставила себя выговорить эти слова, чтобы он не передумал. — Ты простопустишь его?

— Считай это моим даром, — Ирид поднялся с кресла. Каждое движение было тяжёлым. — За мои грехи. И за то, через что тебе пришлось пройти по моей вине.

«Я не верю тебе».

В человеке, который годами спокойно наблюдал за пытками в собственном дворце, не осталось ничего, святого.

— Я пойду, отец... что-то мне дурно.

Ирид не ответил.

Килиана выскочила из кабинета отца и побежала.

В части западного крыла время будто застыло. Шум слуг и шаги стражи остались далеко позади. Паутина скрывала каждый угол, а пыль плотным ковром устилала пол. Шаги Килианы были почти не слышны в заброшенных переходах. Перед ней выросли массивные дубовые двери, обитые потемневшей медью. Ржавый навесной замок висел на одной дужке.

Принцесса с силой толкнула створку, и та поддалась с протяжным, тоскливым скрипом.

Она шагнула внутрь.

Заброшенная библиотека встретила её застоявшейся тишиной и запахом прелого пергамента и высохших чернил. Огромные окна, затянутые паутиной, едва пропускали дневной свет. Лучи прорезали полумрак серыми столбами, в которых медленно кружилась пыль. Высокие шкафы из темного дерева уходили под самый потолок, напоминая гигантские надгробия.

Тысячи забытых книг хранили чужие секреты.

Килиана сделала несколько шагов. Ее туфли оставили четкие следы на сером паркете.

Силы внезапно кончились.

Она оперлась спиной о шкаф и медленно сползла на пол, обхватила колени. Она больше не могла прятать слёзы, которые так тщательно сдерживала перед отцом. Килиана уткнулась лицом в ладони, плечи её затряслись, но звук рыданий так и не нарушил тишину.

Принцесса осталась одна — с проклятым телом, чужой славой, среди людей, которые её ненавидели.

«Я должна найти зацепку. Я не хотела всего этого... Хватит. Слезами ничего не исправить. Если я не найду способ очистить имя, какая разница, кто это сделал? Начну с Александра. Я обязана вернуть ему хотя бы право на нормальную жизнь».

Когда слёзы высохли, она подняла голову. Глаза блеснули в сумерках запертой библиотеки. Килиана поднялась, вытерла лицо тыльной стороной ладони и решительно направилась

в дальний угол — туда, где за кованой решеткой пылились запретные фолианты о темных сущностях.

При тусклом свете началась её охота. Пальцы скользили по шершавым корешкам, глаза всматривались в полустёртые названия. За окнами свет сменился серым сумраком, а она продолжала листать книги. Том за томом. Вдыхала пыль, но находила лишь общие слова о демонологии и изгнании. Ни единого упоминания имени Морриган.

— Опять ничего?.. — выдохнула она, отталкивая очередной фолиант. Книга упала на пол, подняв серое облако.

Килиана проследила за упавшим фолиантом и её зрение зацепилось за узкую, потемневшую тетрадь, зажатую между рассыпающимися свитками в самом низу. На ней не было названия. С трудом сдерживая волнение, Килиана вытащила её, коснулась зернистой прохладной поверхности старой тетради. Пожелтевшие страницы едва держались на истлевшей нити, шелестя от каждого прикосновения.

На одном из разворотов она разобрала выцветшие строки:
«Сущность, не имеющая собственного пристанища, входит в тело смертного, питается его болью и желаниями. Она искажает их, пока желание не становится наказанием для самого человека и всех, кто его окружает.»

— Желания?.. — Стремительный выдох смешался с шуршанием листов. — Какое мое желание она исполняла? Освободиться от брака? Сделать отца бессильным?

Желудок сжался в узел.

«Если Морриган действительно ушла, почему остался след в глазу? Почему под кожей всё ещё свербит её присутствие? А вдруг она не ушла? Вдруг эта свобода — фикция? Имею ли я право искупить просить прощение?»

Она пролистала ещё несколько свитков и не нашла больше ничего. Килиана захлопнула дневник, прижала его к груди и выскользнула из библиотеки, оставляя свежие следы на пыльном дереве старого паркета.